

Этот день выдался на редкость ясным и солнечным, и городок Циншуй, как всегда, кипел жизнью. На южном причале собралось немало людей.

Те, кто оказался здесь впервые и не понимал, что происходит, с любопытством расспрашивали окружающих:

— А что тут случилось? Почему столько народу столпилось?

Тот, к кому обратились, окинул его взглядом и усмехнулся:

— Впервые на причале, да?

Спросивший растерянно кивнул.

— Тут самая популярная лавка с едой. Если не займёшь в очередь — всё разберут подчистую.

Тот ошеломлённо посмотрел на длиннющую очередь и невольно занервничал: да насколько же это должно быть вкусно? Не желая уступать, он тоже протиснулся в толпу. Пробирался долго, плечом к плечу, пока наконец не добрался до прилавка.

— Сколько брать будете? — не поднимая головы, спросил молодой парень с изящными чертами лица.

— Эм... а сколько стоит одна?

— Две медные монеты.

Покупатель взглянул на большую миску, полную золотистых, аппетитных палочек, поколебался:

— Тогда... две.

Молодой продавец ловко завернул их в промасленную бумагу и протянул ему:

— Оплата там.

Рядом с ним стоял мужчина, чем-то на него похожий — высокий, крепкий, тоже весьма красивый.

— Давай быстрее! — нетерпеливо окликнули сзади.

Покупатель поспешно сунул тому четыре монеты и выбрался из толпы. Едва отойдя, он тут же развернул бумагу и откусил кусочек. В то же мгновение его охватило сожаление — не о потраченных деньгах, а о том, что он не взял больше. Это было невероятно вкусно.

Такой ажиотаж вызвал не кто иной, как Чжун Цзыци. Сегодня был уже третий день, как он вновь открыл свою лавку. Сначала он подумывал перебраться на северный причал, но, поразмыслив, решил остаться здесь: там пришлось бы заново завоёвывать клиентов, а на южном его уже знали — старые покупатели всё ещё ждали его возвращения.

И действительно, в первый же день стало ясно, что он не ошибся. Многие давно скучали по его прилавку. Теперь, когда ресторан Цзиньхуа начал продавать холодную лапшу, все знали: именно этот молодой парень когда-то передал им рецепт. Кто-то жалел об этом, ведь у каждого повара свой вкус... И всё же большинство сходилось во мнении, что у этого юноши —

особенного, тихого — получалось куда лучше.

Никто и подумать не мог, что исчезнувший на столько дней хозяин лавки вдруг вернётся — да ещё и принесёт с собой нечто ещё более вкусное. Лавка Чжун Цзыци и без того была известна на южном причале, а теперь и вовсе притягивала взгляды: четверо юных парней, все как на подбор привлекательные, да ещё и с мастерством готовящие еду — разве такое могло не прославиться?

Слухи на причале разлетались мгновенно: от одного к другому, от десятка — к сотне. Очень скоро весть о том, что Чжун Цзыци снова торгует вкусностями, облетела округу. Люди стекались толпами — кто из любопытства, кто в надежде попробовать новинку. И ожидания оправдывались: это угощение, называемое «ютао», было просто невероятным — хрустящее, ароматное, вкусное и в горячем, и в холодном виде. Хозяин ещё и говорил, что хранить их можно до трёх дней.

Даже грубоватые портовые рабочие покупали их охавками, а уж горожане — тем более: старшие мужчины из зажиточных домов то и дело заходили взять несколько штук, чтобы разнообразить стол.

Особенно же ажиотаж вызвала щедрость Цзыци: купи пять — получи одну бесплатно, купи десять — две в подарок. После этих слов народ и вовсе хлынул толпой, а многие смотрели на него так, словно думали: «Он что, глупец?»

Но Чжун Цзыци вовсе не был глупцом. Ютао приносили даже больше прибыли, чем холодная лапша — чистый доход с них был самым высоким. Один человек за раз обычно съедал не меньше трёх, а взрослому мужчине, чтобы насытиться, требовалось пять. А если не доел — можно оставить на потом.

Всего за три дня он заработал больше полусвязки монет. А уж богатые семьи в городе покупали и вовсе щедро — платили не торгуясь, да ещё и часто оставляли сверху.

Каждый день Чжун Цзыци буквально купался в радости от заработка.

Поскольку он доверял семье дядюшки Хуана, всё тесто для него готовили у них. По утрам Цзыци заходил и забирал заготовки, а помимо платы за перевозку добавлял ещё пять монет за работу.

Но там, где он не видел, стояли двое.

Один из них — худощавый мужчина с мрачным взглядом — долго смотрел на оживлённую лавку. Наконец он холодно произнёс, обращаясь к стоявшему рядом, чуть склонившемуся человеку:

— Прочти их. Пусть знают: с «Чаншунь» шутки плохи. Осмелились нас обвести вокруг пальца... совсем страх потеряли?

— Но... наложник велел нам вести себя осторожнее...

Мужчина нахмурился:

— Ничего. Делай, как я сказал. Я сам поговорю со старшим братом — он не станет тебя винить.

— ...Понял.

Чжун Цзыци и представить не мог, что кто-то настолько безрассуден, чтобы замышлять против него. И именно эта глупая затея вскоре перевернёт его жизнь с ног на голову.

Но это было впереди.

А пока появился человек, который и без того мог испортить ему настроение — и, к его собственному удивлению, вместе с раздражением принёс и странное облегчение.

У ворот его дома стоял тот, кого он давно не видел — Ли Сюцзюань.

Тот уже пробрался во двор и теперь оглядывался по сторонам с подозрительной любознательностью: заглядывал туда, трогал здесь, временами цокал языком. От этого у Цзыци закипало внутри.

— Зачем ты сюда пришёл? — холодно спросил он.

Ли Сюцзюань расплылся в улыбке:

— Ну что ты так... Разве нельзя навестить тебя?

Цзыци промолчал, но мысленно скривился — уж слишком знакомо звучало это начало. Ах да... Ван Цуйхуа в прошлый раз начинал точно так же. Скучно.

— Нет, правда, Цзыци, — продолжил Ли Сюцзюань, вращая глазами, — ты ведь вышел замуж за того дурачка... и даже на третий день домой не вернулся. Уже больше месяца прошло! Мы по тебе очень скучаем.

«На третий день домой не вернулся?» — что это вообще такое?.. Чжун Цзыци стоял, будто громом поражённый, не понимая, о чём речь. Никто ведь ему ни слова не говорил про этот обычай.

Впрочем, неудивительно. В своей прошлой жизни он был обычным неженатым мужчиной XXI века — откуда ему знать о подобных традициях? А попав сюда, он почти сразу рассорился с роднёй, затем — с семьёй супруга. Соседей, с которыми можно было бы поговорить по душам, у него тоже не оказалось. Где ему было узнать такие вещи? Да и даже если бы знал — вряд ли бы пошёл.

— Это что, теперь я виноват? — с насмешливой улыбкой произнёс он, в глазах мелькнула холодная ирония. — По-моему, если уж вы меня продали, то должны были быть готовы к тому, что мы больше никогда не будем иметь друг с другом дел.

— Ох, Цзыци, ну что ты говоришь? — тут же возразил Ли Сюцзюань. — Как это «продали»? Я тебе хорошую семью нашёл. Посмотри, как ты теперь живёшь — всё у тебя ладится, а ты сразу от родных отворачиваешься!

Он был куда хитрее и опытнее, чем Ван Цуйхуа.

— Правда? — спокойно отозвался Цзыци. — Тогда верни мне ту серебряную монету, за которую меня продали. Это мой выкуп за брак. Даже если ты выступал сватом — половину обязан вернуть.

— Какие ещё деньги! — вспыхнул Ли Сюцзюань. — Когда твой амо и твой отец умерли, кто всё устроил? Кто гостей принимал, поминки справлял? Мы! Нельзя быть таким неблагодарным, Цзыци!

— Раз уж ты так заговорил, давай посчитаем, — голос Цзыци стал холоднее. — Пока мои родители были живы, все расходы в доме покрывались тем, что зарабатывал мой отец. Не надо мне рассказывать про ваш клочок земли — с его продажи мы ни гроша не увидели. Дом, в котором ты живёшь, вообще мой отец построил. И после всего этого ты ещё смеешь так со мной разговаривать? Тебе не стыдно? Не боишься, что мой амо и мой отец ночью к тебе придут?

Последние слова он произнёс нарочито тихо, с холодной усмешкой.

Ли Сюцзюань невольно вздрогнул.

В те времена люди были суеверны, и слова Цзыци заделали его. Но отдать серебро? Об этом и речи быть не могло.

— Ха! — он вскинул подбородок. — Мелкий паршивец, только и умеешь, что людей пугать! И не собираюсь я здесь больше торчать!

С этими словами он развернулся и поспешно ушёл — спорить дальше было нечем, слишком уж он был неправ.

Вернувшись домой, Чжун Чжэньпин тут же спросил:

— Ну что?

Ли Сюцзюань махнул рукой, сел, сделал глоток воды и раздражённо фыркнул:

— Этот мальчишка... когда он только успел стать таким острым на язык? Представляешь, потребовал вернуть ему выкуп за брак! Как будто я ему что-то должен!

Чжэньпин согласно кивнул:

— А он сказал, вернётся?

— Нет... — Ли Сюцзюань поморщился. — Может, сам сходишь попробуешь? Если бы не то, что он теперь зарабатывает кучу денег, я бы и смотреть в его сторону не стал.

Несколько дней назад по деревне ходили слухи, что дела у Чжун Цзыци пошли плохо, что он закрылся и вернулся домой. Тогда они злорадствовали от души. Но не прошло и пары дней, как выяснилось: он просто сменил дело — и теперь оно приносит ещё больше прибыли, чем раньше. Говорили, что он уже зарабатывает больше, чем его покойный отец.

Тут уж они не выдержали.

При этом, не испытывая ни капли стыда, они рассуждали так: Чжун Цзыци — всё равно из их рода. Да ещё и выдан за дурачка. Разве не нужен ему кто-то, кто будет его «поддерживать»? Без родни за спиной — как без опоры, люди ведь заговорят.

Тем временем сам Цзыци, закрыв за гостем ворота, смотрел, как Чжао Чжэньань играет с Да Хэем и Сяо Хэем. Но мысли его были совсем о другом.

Связи с семьёй Чжун формально не были разорваны, а значит — полностью игнорировать их он не сможет. Люди начнут говорить, что он неблагодарный, непочтительный. Ему, в общем-то, было всё равно... но постоянные сплетни раздражали.

Похоже, рано или поздно придётся всё же навеститься туда — хотя бы с какими-нибудь дарами.

Он прекрасно понимал истинные намерения Ли Сюцзюаня.

И потому уже решил: если и идти, то лишь ради деда и деда-амо. Что до семьи дяди — их можно просто не замечать. В конце концов, он теперь «выданный в другую семью» парень и не обязан содержать старших родственников. Тем более после всего, что они натворили — об этом ведь уже вся деревня знает.

Так что сам факт, что он вообще собирается их навестить, уже можно считать проявлением великодушия.

<http://bllate.org/book/16132/1608632>